

Коммуникация сквозь время: о поэтических текстах Е. Вельмезовой (отклик на книгу стихов «Время, конец и начало»)

Communication Through Time: About the Poetic Texts of E. Velmezova (Response to the Book of Poems "Time, End and Beginning")

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-12-1-141-143

Получено: 08 декабря 2022 г. / Одобрено: 22 декабря 2022 г. / Опубликовано: 26 февраля 2023 г.

А.Е. Аникин, И.Э. Клюканов

Аннотация

А.Е. Аникин, доктор филологических наук, академик РАН, и И.Э. Клюканов, доктор филологических наук, профессор Восточно-Вашингтонского университета, посвятили статью книге стихов Екатерины Вельмезовой — известного филолога, автора многих научных работ в области этнолингвистики, а также истории наук о языке. Ее книга «Время, конец и начало» (Тарту: Диалог, 2021. — 136 с.) — обращение поэта к читателю, чтобы поделиться с ним событиями и воспоминаниями, размышлениями и чувствами.

Ключевые слова: коммуникация поэтического текста.

Abstract

A.E. Anikin, Doctor of Philology, Academician of the Russian Academy of Sciences, and I.E. Klyukanov, Doctor of Philology, Professor of East Washington University, devoted an article to a book of poems by Ekaterina Velmezova, a well-known philologist, author of many scientific works in the field of ethnolinguistics, as well as the history of language sciences. Her book "Time, End and Beginning" (Tartu: Dialogue, 2021. — 136 p.) is the poet's appeal to the reader to share events and memories, reflections and feelings with him.

Keywords: communication of a poetic text.

Может показаться, что поэзия и наука далеки друг от друга. На самом деле, однако, и наука, и поэзия представляют собой виды коммуникативной деятельности и направлены на познание мира, при этом поэзия, так же, как и наука, являясь «делом рассудка», занимается «свободной игрой воображения» (Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 195). Когда один человек сочетает научную и поэтическую деятельность, то мы наблюдаем пересекающиеся смыслы творчества, анализ которых представляет большой интерес для коммуникативистики (ср. [1; 6]). Книга Екатерины Вельмезовой (Е.В.) — именно такой случай.

Книга появилась на исходе мирной эпохи, в 2021 г., и теперь выглядит как одно из вызывающих печаль напоминаний о времени, непосредственно предшествовавшем февралю 2022 г. Ничто не предвещает в ней событий после этой даты, в ней только голос муз.

Обращение Е.В. к поэзии выглядит столь же органичным, как и сам союз филологии и поэзии, что проявляется во многих коммуникативных особенностях ее текстов.

Так, этот союз отразился в тонкой работе Екатерины Вельмезовой со словом, в отточенности формы стихов, о чем уже писал рецензент А.Г. Козинцев, а также в разноразличности стихов (в сборнике стихи на русском, французском и эстонском). Е.В. прекрасно осознает и демонстрирует, что «человек весь

не укладывается в границы своего языка» и что «разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её» [4, с. 349]. Таким образом, в текстах Е.В. мы находим стереоскопичное видение мира, в котором различные смысловые перспективы являются взаимопроникающими и взаимодополнительными.

Кроме того, Е.В. не чужды языковые эксперименты: она иногда вводит неологизмы (*скривующийся... вьюн; праздников расстрадальных*), сочетает логически плохо увязывающиеся слова (*Высыхает свет молодой луны*), чутко работает с созвучиями слов и как настройщик прислушивается к ним:

*Средостение. Не препятствие.
Средоточие. Сладострастие.
Славословие. Высловление.
Сострадание. Сожаление...*

*Словославие. Словоумие.
Полногласие...
...да, полнолуние*

Или:

*китайской тушью
на глади неба
рисую невод
немых гаданий*

Такой подход к языку хорошо вписывается в рамки «творческой филологии разыскания», включая введение в язык новых знаков — то, что М. Эпштейн называет «неологией» или «семиургией» [7].

Е.В. не чужд такой поэтический ресурс, как соединение стихов и графики (что напоминает Г. Аполлинера с его каллиграммами). И это тоже органично для Е.В., поскольку она одаренный художник и сама снабдила свою книгу рисунками-виньетками. Здесь мы сталкиваемся с примером визуальной конфигурации стиха, которая может рассматриваться как особый тип семиозиса [3].

Стихам Е.В. присуща и музыкальность, но пропущенная больше диссонансами. Есть и образы, основанные непосредственно на реалиях из мира музыки, например: *всю ночь безразличье дождь шелестит по клавишам крыш* или *...в памяти полустиха — полумелодии нерожденной*.

В стихах Е.В., отмеченных печатью большого своеобразия, можно найти переключки со стихами других поэтов, что, наверное, особенно характерно для ученого-филолога, не только хорошо знакомого с понятием интертекстуальности, но и обладающего богатыми культурными знаниями. Правомочность такой попытки подтверждается явной (частично выделенной авторским курсивом) двойной отсылкой к Пастернаку и Лермонтову.

Промозглый декабрь — все слякоть и слякоть...
И скучно, и грустно, и хочется плакать...

Отдельную тему может составить Верлен, особенно в отношении французских стихов Е.В. Верленовские интонации ощутимы (что поддерживается эпиграфом из письма французского поэта), например, в строках Е.В.

*une brune dans ton boudoir,
de la brume qui couvre la ville
une chanson qui n'a plus d'espoir*

Вспомним в этой связи и Ахматову. У Е.В. в строках из «Прощания с Пухту» об оставленном доме:

*даже тени своей не оставим
...и дом затоскует —*

можно как будто усмотреть прямой отклик на ахматовские стихи 1917 года:

*Там тень моя осталась и тоскует,
В той светло-синей комнате живет.*

Отголоски поэзии Ахматовой, главным образом ранней, или случайные сходства с ней чувствуются, например, в строчках Е.В.

*Скрипнула кровать,
что-то шепчет прялка...
Мне — опять не спать...
Знаешь, я — русалка*

*Помню наизусть:
с каждым днем — слабею...
и пророчит грусть
ведьма-ворожея*

*Мне не знать измены,
страха, зла, обмана...
Но жизнь моя — лишь пена,
облачко тумана.*

Ахматову напоминают камерное, «шепотное» звучание стихов, их «вещной мир» (*кровать, прялка*), мотив грусти и присутствие атмосферы народных верований (*ведьма-ворожея*), отождествление лирического Я с русалкой (в других стихах Е.В.: *Я — русалка из детской сказки*).

Среди вещей, которые она берет в желанную дорогу в Эстонию, — опять же вещи, прямо или потенциально напоминающие о детстве, в их числе тема «игрушечности», которая, несмотря на свою «детскость», является чрезвычайно важной, поскольку вскрывает коммуникативную природу бытия в его непосредственности и сиюминутности. Эта тема пересекается с понятием «языковых игр», которые Л. Витгенштейн отождествлял с «формами жизни». Показательно, что особенно он отмечал это в работе «О достоверности» (1994), где «формы жизни» предстают как фундамент жизненного опыта людей, как данность, не подлежащая сомнению (*Витгенштейн Л. Избранные труды. М., 1994. С. 362*). Именно поэтому настоящие тексты, созданные путем таких «языковых игр», являются естественными, достоверными; и именно такими предстают стихотворные тексты Е.В. Мир Е.В. не имеет границ: она «своя» в пространстве и Литвы, и Эстонии, и в каком-нибудь Берне, и в Берлине, и в московских комнатах.

Стихам Е.В. в целом чужда яркость словесных красок. В ее поэзии можно усмотреть графичность, гармонирующую с ее собственными загадочно-абстрактными виньетками в книге. Очень выразительны в этом отношении строки

*иероглифы птичьих стай
испещрили осеннее небо,*

где графичность слов будто переходит в звуковой регистр: хор птичьих стай, их крики не названы, но они звучат. Вкрапление резкого цвета приходится у Е.В. на неожиданную цитату чужого текста (переиначенный Хомский), диссонирующего с общей интонацией стихов Е.В.:

*...Бесцветные, ярко-зеленые мысли,
устав от безделья, яростно спят,—*

но не удивительного для филолога — лингвиста и переводчика, каковым является Е.В.

Цитированному «хомскианскому» тексту Е.В. предшествуют ее оригинальные строчки, также не без примеси абсурда:

*...в чащах безлесых туманы повисли,
где нет ни сморчков, ни осенних опят...*

Собственная колористика Е.В., если она отмечается в стихах, сдержанная: чаще всего это *серый* цвет, с которым кое-где связаны явно негативные коннотации: *безжалостный серый выюн* болезни, *беззащитный серый воробушек*, *серый страх* и *серые сероголовые* птицы (но есть и *добрые серые птицы*), *серый птенец* (будущий *царственный лебедь*), *mes heures... sont grises*. В сочетании с другими цветами: *коричнево-серый* и *соломенно-рыжий* (берег реки).

Движение времени может восприниматься у Е.В. через звучащие в бессонной для нее (хотя в доме все спят) тишине звуки тик-так часов, которые, кажет-

ся, звучат и для Утра, Ночи, Заката. Вечная их последовательность как будто теряется:

А часы идут. Но идут назад.

Характерный мотив стихов Е.В. — мысли о том, чего не было и не случилось, так же в плане будущего. В этом контексте она мыслит и свое *Я*, которое тем самым ставится на грань утраты себя, ощущает призрачность своего присутствия в окружающем мире, где и прощаться приходится с тем, чего не было и не будет:

*Ce qui n'a pas eu lieu
avait les noms du printemps
et la couleur du temps
et la tendresse du feu
Ce qui n'a pas eu lieu*

*Ce qui n'a pas eu lieu
avait le goût des cerises
et la douleur d'une crise
quand il faut dire adieu
à ce qui n'aura pas lieu*

Поэтический голос Екатерины Вельмезовой открывает свои богатые смыслом и искусностью интонации лишь тому, кто готов в него вслушиваться. Этот голос звучит негромко. Возможно, он изменится в дальнейшем. Но первый ее опыт ценен таким, какой он есть, и он отмечен оригинальностью, глубиной и благородством.

Литература

1. Балтин А. Ученые и поэты: пересекающиеся смыслы творчества. Эссе. 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5330&level1=main&level2=articles>
2. Витгенштейн Л. О достоверности [Текст] / Л. Витгенштейн // Л. Витгенштейн. Избранные труды. — М., 1994.
3. Голубицкая Н. Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Тцара [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20899
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985.
5. Кант И. Критика способности суждения [Текст] / И. Кант. — М.: Искусство, 1994.
6. Сигачев А.А. Поэзия, наука и музы // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. — 2009. — № 5 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Sigachev_Poetry
7. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. — 2006. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2854>